

Õньö Лав (Пермь)

К вопросу о соотношении диалектов, региональных стандартов и национального языка коми

Проблема единства коми языка продолжает оставаться крайне актуальной для адекватного понимания характера взаимоотношений между различными разновидностями коми речи в условиях этнополитической разобщенности коми этноса.

По данному вопросу выдвинуто немало точек зрения. Обзор их в аспекте подходов к диалектному членению языка неоднократно проводился (последний раз в работах С. А. Сажинной ¹ и Е. Н. Федосеевой ²), что освобождает нас от необходимости повторного пересказа этих точек зрения и дает возможность более конкретно изложить собственный взгляд на проблему единства коми языка. Но прежде необходимо выдвинуть ряд общих положений, на основе которых будет строиться ход рассуждений в настоящей работе.

Основными критериями общности языка принято считать:

1. Взаимопонимаемость и взаимную лингвистическую близость между различными локальными группами говоров, обусловленную значительной близостью фонетической системы, грамматических структур и лексического состава этих говоров.

2. Наличие объединяющего эти группы общего литературного языка либо иной наддиалектной нормы.

3. Единство этноса (выражающееся в общем самоназвании) и осознание этого единства носителями локальных языковых единиц.

---

¹ Сажина С. А. К вопросу о диалектном членении коми языка // Вопросы коми диалектологии. Сыктывкар, 2004. С. 134-142.

² См. ее статью в настоящем сборнике.

Несмотря на то, что **чисто** лингвистическим можно признать лишь первый из этих критериев, в то время как два других являются внешними, **экстралингвистическими**, факторы социального (а, следовательно, субъективного) порядка могут весьма активно влиять на формирование образа единства или отдельности некоей языковой совокупности.

Как это ни парадоксально, имеется немало случаев, когда фактор общепонятности даже не является существенным при установлении статуса локальных социолингвистических единиц по отношению к языку, в который эти единицы «входят», согласно привычным классификациям³.

В то же время, наличие у этноса двух и более литературных стандартов, как показывает практика, может сосуществовать со стойким осознанием этим этносом своей общности, в том числе (несмотря на понимаемое всеми различие) общности языковой⁴.

Скорее всего, лишь последний критерий, а именно — собственно осознание представителями территориальных языковых группировок своего этнического и, по большому счету, языкового единства, следует признать решающим при обосновании самостоятельности того или иного языка.

В самом деле, язык (в социолингвистическом понимании этого термина) почти всегда понимается как язык определенного народа (в зависимости от степени политической сплоченности языковой общности — нации или народности). Язык есть всегда *национальный* язык.

В дописьменную эпоху это язык этноса, представляющий собой совокупность близких между собой диалектов, носители которых обладают общим самоназванием и самосознанием.

Современный национальный язык, как категориальная единица, включает в себя не только систему диалектов и социолектов, распространенных на территории, занятой определенной нацией, но и литературные нормы (наддиалектные стандарты), призванные обслуживать междиалектное общение в рамках более или менее крупной этнополитической общности.

Здесь следует подчеркнуть, что национальный язык есть понятие более высокого порядка, чем литературная норма (наддиалектный стандарт), повсеместно именуемая также литературным языком. Последний термин явно неудачен, ибо слишком часто приводит к смешению понятий. С одной стороны, литературный язык отождествляют с национальным языком, а с другой — понимают как язык (художественной) литературы. Все это вело и ведет к путанице и без сомнения должно быть устранено из научного текста.

Диалекты, в свою очередь, всегда рассматриваются как диалекты какого-либо языка, а, следовательно, носители диалектов одного языка, уже в

³ Например, немецкие, итальянские, китайские, арабские диалекты.

⁴ См., напр.: Лутопен И. К проблеме вариативности литературных языков // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Материалы V Международного симпозиума. Ижевск, 2004. С. 167-168.

силу своей принадлежности к одной из диалектных общностей являются и носителями этого языка, вне зависимости от уровня владения и даже самого факта владения ими литературной нормой. Они являются одновременно и представителями того этноса, национальный язык которого включает в себя данный диалект.

К сожалению, вопрос о взаимоотношении близких групп говоров (диалектов) и языка, к которому эти диалекты потенциально относятся, в значительной мере запутан, причем, как правило, это обусловлено не только и не столько сложившейся традицией, сколько этнополитической ангажированностью, а также, как это ни печально, личными симпатиями и антипатиями отдельных исследователей, имеющих возможность оказывать влияние при принятии соответствующих решений в сфере языкового планирования.

В этой связи пример коми весьма показателен.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что всё комиговорящее население объединено общим самоназванием – *коми морт*, и общим названием своего языка – *коми кыв* (фонет. вар. второй части, обозначающей ‘язык’, — *кыл, кыы, көл*). При разговоре на родном языке в быту экзотонимы (пермяк, зырянин, язьвинец, коми-пермяк, коми-зырянин, коми-язьвинец и т. д.) практически не употребляются⁵. Показательно, что даже т. н. язьвинцы, публично доказывающие свою непричастность к коми народу («*мы не коми и не коми-пермяки, а пермяки*»)⁶, в разговоре «по-пермяцки», не задумываясь, регулярно употребляют выражения *комин вепам* ‘мы говорим по-коми’, *комин байтам* ‘то же’, *мэйөз н’э л’убим комин йазэк* ‘мы не любим коми язык’, и т. п. Что касается внешних наименований, то, например, в Коми округе коренное русское население (Юрлинский район) также чаще именует своих соседей не коми-пермяками и не пермяками, а *коми*, и их язык – *коми языком* («*по-коми мы не говорим*»).

Принятое ныне название *коми-пермяцкий язык*, равно как и понятие *коми-пермяцкий народ*, было искусственно введено во второй половине 1920 годов, после того, как пермским коми было официально отказано в объединении со своими северными соплеменниками. Термин *коми-пермяк* является произвольной контаминацией самоназвания *коми* с экзотонимом *пермяк*. Как отмечает известный пермский комивед А. С. Кривошекова-Гантман, «в первые годы Советской власти камские коми стали официально называться коми-пермяками, чтобы не смешивать их с коми из Коми АССР»⁷.

⁵ В данном отношении под вопросом остаются значительно обрусевшие зюдинские *пермяки*, но то, что соседние русские продолжают именовать их *комяками*, уже говорит о многом.

⁶ По язьвинскому вопросу см. многочисленные работы проф. Г. Н. Чагина

⁷ Кривошекова-Гантман А. С. Собрание сочинений в 2 томах. Пермь, 2006. Т. 1. С.

Последние, до двадцатых годов прошлого века в литературе и в русской среде именовавшиеся *зырянами*, после получения автономии закрепили за собой автоэтноним — *коми*, хотя при необходимости дифференциации указанной группы коми этноса от его южной (пермской) части повсеместно используется искусственно созданный в те же двадцатые годы термин *коми-зырянин*, а в лингвистическом, например, плане продолжают употребляться выражения типа *коми (зырянский) язык*, *коми-зырянские диалекты* и т. д. Как небезынтересную деталь добавим, что в XIV–XV веках, в эпоху крещения коми (нынешних зырян) и аннексии их территории Московским княжеством, они (зыряне) именовались в русских источниках *пермяками*, *пермянами*, а в XV веке этим же этнонимом те же источники уже обозначают и жителей Перми Великой...

В том, что самоназванием местных инородцев, как на территории нынешней Республики Коми, так и в Пермском крае, было именно слово *коми*, можно убедиться, среди прочего, хотя бы заглянув в старинные лексиконы, например, изданный задолго до революции пермяцкий словарь Н. А. Рогова, где в коми-русской части читаем: *Комі, с.с. Пермякъ, Зырянинъ; пр. Пермяцкій, Зырянскій. Комі отір, Пермяцкій народъ...*⁸

В этой связи ошибочными представляются заявления доктора филологических наук Р. М. Баталовой о том, что якобы одному из совершенно самостоятельных пермских народов, а именно — пермяцкому народу, представители которого издревле называли себя исключительно *пермяками*, в двадцатые годы прошлого века была насильственно навязана искони чуждая ему прибавка *коми*-⁹.

Разумеется, мы не отрицаем многосоставный характер коми этноса, равно как и отражение всевозможных влияний (субстраты, адстраты и суперстраты) в диалектах его языка. Но сведение всего многообразия территориальных разновидностей коми речи к пермяцко-зырянским различиям есть не только методологически неверный подход в лингвистическом плане, но и весьма сомнительная позиция с этической точки зрения — на фоне прогрессирующего сокращения комиговорящего контингента в условиях ужесточения административно-территориального раскола не обладающего политическим суверенитетом коми этноса.

К сведению Р. М. Баталовой укажем на тот замечательный факт, что даже теперь, через восемьдесят лет после официального превращения пермских коми в коми-пермяков и регулярного употребления последнего термина всеми государственными структурами, включая семидесятилетнее внедрение этого «самоназвания» через систему школьного образования, наш

⁸ Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб, 1869. С. 73.

⁹ Баталова Р. М. О путях расхождения близкородственных языков // Пермистика-8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001. С. 46.

народ в округе продолжает именовать себя в быту *коми отир* 'коми народ', а свой язык — *коми кыв* (*коми кыл*) 'коми язык'.

Следует отметить далее, что налицо не только общее самоназвание, но и общее самосознание коми народа. В Республике Коми это самосознание ясно и открыто выражается всеми представителями титульного этноса, что находит свое отражение в масс-медиа и литературе. Среди пермских коми подобное самосознание также проявляется, однако, как правило, в неофициальной обстановке и обычно в комиязычной же среде, что вполне объяснимо, учитывая достаточно высокую степень давления, на всех уровнях испытываемого местными инородцами со стороны государства, и вызываемое этим давлением постоянное беспокойство по поводу личной безопасности.

Мощным давлением доминирующей в государстве иноязычной среды объясняется и то, что общекоми самосознание может в определенных случаях ослабляться вплоть до полного отрицания единства народа коми. Прежде всего, как мы имели возможность убедиться в ходе контактов с носителями пермяцких и зырянских наречий, сие находится в прямой зависимости от степени деэтнизации того или иного выходца из коми, и объясняется ориентацией его на смену этнолингвистических парадигм в пользу титульной нации государства и ее языка. Среди лиц, не стремящихся к отказу от естественной этничности, твердое убеждение в отсутствии единства коми этноса, как правило, не встречается; здесь мы имеем дело с неискренним подчеркиванием независимости собственной субэтнической группировки в целях получения (или нежелания утраты) каких-либо материальных выгод.

Таким образом, главный показатель единства этнолингвистической общности — общее самосознание и общее самоназвание — в отношении коми не может вызывать сомнения.

Что касается взаимопонятности коми диалектов, то здесь бессмысленно проводить резкую грань между пермяцкими и зырянскими говорами. Средний носитель, скажем, кудымкарско-иньвенского диалекта (даже посещавший национальную школу) с известным трудом понимает беглую речь косинцев между собой и наоборот. Литературный язык обоим кажется несколько искусственным, но изучение региональной языковой нормы в школе придает ей некоторый авторитет в глазах носителей диалектов, хотя язвительные высказывания по поводу литературного стандарта приходится слышать весьма часто из уст окружающих коми. Впрочем, то же самое можно сказать и об отношении носителей зырянских диалектов к своему литературному языку. Недовольство выражают, например, верхневьегодцы, ижемцы, жители Удоры. Удорский диалект, по замечанию одного исследователя, в силу своей специфики вполне мог бы претендовать на статус отдельного языка¹⁰. На ижемском наречии (*изъватас кыы*) имеется

¹⁰ *Игушев Е. А.* Коми диалектология. Сыктывкар, 1996. С. 77.

уже собственный букварь... В принципе, можно создать множество коми языков — каждому диалекту, а то и говору свой. Но, с другой стороны, все территориальные разновидности коми речи в целом взаимопонимаемы, и коммуникация между представителями разных наречий коми вполне возможна без обращения к языку-посреднику. Более того, когда, например, пермяк вступает в тесное общение с зырянами, он очень быстро осваивает местные особенности и неосознанно воспроизводит их в своей речи. То же можно сказать и о представителе любого диалекта коми языка, находящемся в постоянном контакте с носителями другого диалекта, либо испытывающем воздействие какого-либо из региональных вариантов языка коми.

Следовательно, есть все основания рассматривать язык коми народа, со всеми его диалектными и литературными вариантами, в качестве единой социолингвистической единицы.

Подобное рассмотрение предполагает не только отказ от жесткой детерминации ареала исследования, например, диалектов только пермяцкими либо только зырянскими говорами. Более широкий взгляд на распространение тех или иных явлений уже намечился в коми диалектологии, что связано, в первую очередь, с усвоением ареального подхода. На наш взгляд следует сделать следующий шаг и несколько сместить акценты в плане терминологических определений. Так, сегодня мы слышим выражения *коми-пермяцкие диалекты*, *коми-зырянские диалекты*. Как кажется, стоит пойти дальше и при указании на диалекты определять язык народа, к которому принадлежат носители этих диалектов. Т. е. на данном этапе предлагается вести речь о *пермяцких и зырянских диалектах коми языка*. При этом диалекты, как объект изучения, не следует жестко привязывать к той или иной литературной норме, не игнорируя, разумеется, факт известного влияния регионального стандарта на речь носителей соответствующих говоров.

Впрочем, пермяцко-зырянская дихотомия весьма условна, что связано с естественным отсутствием четкой границы между говорами единого языка. Так, пермяцкой можно считать не только речь доведенных до создания собственной литературной нормы¹¹ язьвинских коми, и не только диалект коми-зюздинцев, служащий предметом тянувшегося десятилетия странного спора между московско-пермскими и сыктывкарскими лингвистами; пермяцкой можно считать и речь верхней Сысолы, а так же Летки (с Лузой в придачу). А зырянский облик мысовско-лупьинского диалекта, относимого к коми-пермяцкому языку? А десятки «пермяцких» особенностей, как на лексическом, так и на фонетическом и морфологическом уровнях, в зырянских говорах, и наоборот, обильные «зырянизмы» в пермяцких

¹¹ В последнее время начат активный выпуск учебно-методической литературы по этому «языку». См., напр.: Дидактические материалы к урокам изучения лексики коми-язьвинского языка. Пермь, 2005; Материалы по изучению консонантизма языка язьвинских пермяков. Пермь, 2005 и др.

диалектах? Примеры можно приводить бесконечно, и это уже не раз делалось, поэтому не будем здесь на них останавливаться¹².

В то же время, дабы переход к рассмотрению диалектных явлений с регионального на общенациональный уровень не вызвал резкого разрыва с традицией, вероятно, стоит пока оставить в нынешнем состоянии номенклатуру выделяемых наречий, произведя некоторую терминологическую модификацию. В частности, вместо северного и южного наречия, а также смешанных говоров коми(зырянского) языка, следует говорить о *северо-зырянском* и *южно-зырянском* наречиях коми языка (определение для смешанных говоров также можно подобрать, например, *средне-зырянское*, *восточно-зырянское* или *новозырянское* наречие). Аналогично мы можем говорить о *северо-пермяцком*, *южно-пермяцком*, вероятно *восточно-пермяцком* (язвинском) и *западно-пермяцком* (зюздинском) наречии языка коми.

В дальнейшем, однако, южно-зырянские и северо-пермяцкие диалекты стоит специально изучить на предмет их объединения в одно наречие ввиду значительного количества общих языковых явлений, свойственных говорам этого ареала. Ареала, который парадоксальным образом, являясь маргинальным по отношению к обоим региональным литературным стандартам, занимает центральную позицию в общекоми диалектной системе и, как отмечают¹³, является наиболее стабильным в плане морфологической устойчивости (при всем относительном характере этой устойчивости). Выделение указанного срединного наречия могло бы привести к окончательной смене ракурса рассмотрения диалектов коми языка в пользу общенационального подхода к их классификации.

Говоря о диалектном членении коми языка, можно было бы заострить вопрос о правомерности трактовки исследователями отдельных групп говоров в качестве диалектов, имеется в виду, например, степень обоснованности выделения кочёвского диалекта из косинско-камского, а также придание мысовскому и лупьинскому говорам статуса отдельных диалектов. Однако мы обойдем этот вопрос стороной, ибо в данном выступлении нас интересует не столько вопрос об отношениях диалектов, наречий и говоров между собой, сколько проблема соотношения диалектов с региональными литературными стандартами в рамках общенационального языка.

Как известно, при царизме коми народ, разделенный административными границами, не имел возможности создания национального языка. Выпускавшаяся до революции литература (в основном переводная) отражала состояние отдельных коми говоров, несмотря на то,

¹² В настоящее время готовится специальная работа, посвященная чисто лингвистическому аспекту пермяцко-зырянской проблемы.

¹³ Ляшев В. А. К вопросу о диалектном районировании коми языков // Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков. — Ижевск, 1987. — С. 55.

что писатели, в зависимости от степени мастерства, могли использовать также языковое богатство других диалектов, равно как и собственное словотворчество. При этом уже на этом этапе мы замечаем две тенденции — одна пуристическая, другая — направленная на использование русских заимствований, необходимость чего вызывалась буквализмом в переводе.

После установления советской власти, в ходе национально-государственного строительства (20-е годы прошлого века) коми народ не смог добиться создания общей административно-территориальной единицы. Соответственно двум национальным образованиям — в Коми области (затем республике) и Коми округе — сформировались отдельные литературные стандарты, каждый из которых был создан на базе одного из диалектов с введением дополнительных элементов из других диалектов региона. При этом пермяцкая норма коми языка на первых порах испытывала мощное и, надо сказать, благотворное влияние со стороны нормы сыктывкарской, что сказалось не только на лексическом уровне (что часто отмечается), но и на всех уровнях системы языка вообще, начиная с фонетики и кончая синтаксисом. В дальнейшем, однако, ввиду смены политического вектора в сторону ущемления и принижения языков национальных меньшинств, пермяцко-зырянская координация по развитию литературных норм была поставлена под запрет, а прогресс коми языков стал пониматься как все большее сближение региональных стандартов с русским литературным языком. Со всей отчетливостью подобные взгляды нашли свое отражение в трудах классиков коми-пермяцкого языкознания Р. М. Баталовой¹⁴ и А. С. Кривошековой-Гантман¹⁵, юбилей которой мы ныне отмечаем.

Наличие двух литературных вариантов коми языка, литературных вариантов с более чем восьмидесятилетней традицией — факт, от которого не уйти. Давать этому факту положительную либо отрицательную оценку — бессмысленно. Тем более неприемлемыми кажутся разговоры о естественном отмирании пермяцкого литературного варианта коми языка в силу его невостребованности.

Не суть важно, что на сегодняшний день у пермских коми нет молодых писателей. Не важно даже то, что значительное количество пермских коми (включая пермяцкую интеллигенцию) негативно относится к родному языку. Необходимо обратить внимание на другие факты. Родной язык как предмет по желанию родителей продолжают изучать около четверти коми школьников округа. Как свидетельствует студенческая практика, многим деревенским детям с большим трудом дается обучение на русском языке, уже

¹⁴ См.: Баталова Р. М. Зорамö али оз коми-пермяцкõй кыв? // Иыва. Кудымкар, 1971. С. 68-72; она же. Ленинскõй национальнõй политика да коми-пермяцкõй языкознаннётõн развивайтчõм // Иыва. Кудымкар, 1971. С. 105-107.

¹⁵ См., например: Кривошекова-Гантман А. С. Некоторые вопросы развития коми-пермяцкого языка // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1979. С. 91-101; она же. Взаимодействуй с русским // Политическая агитация. 1985. № 14. С. 29-30.

несколько десятилетий практикуемое в окружных школах. На коми-пермяцком создана обширная литература, которая может и должна стать объектом лингвистического изучения.

Но при всем при этом существование второго, причем более развитого варианта коми языка, равно как и необходимость координации норм обоих региональных вариантов в целях развития каждого из них, должны найти подобающее место в деятельности коми языковедов.

К сожалению, ряд коми-пермяцких лингвистов, вопреки очевидным фактам, продолжает отрицать единство коми языка, вплоть до категоричных заявлений типа «Мы не коми». Продолжают чиниться препятствия восприятию недостающих в пермском региональном варианте коми языка элементов (в частности, исконной лексики) из другого регионального стандарта. Впрочем, странным представляется также и отказ этих филологов от коренизации терминологии (даже лингвистической) на базе собственно пермяцкого материала. Что уж говорить о предложенной нами гармонизации и национализации орфографии в региональных вариантах коми языка¹⁶.

В этой связи хотелось бы поставить вопрос о нравственной ответственности лингвиста за судьбу своего национального языка. Языка, находящегося в неблагоприятных условиях. Разумеется, все коми двуязычны, все коми — носители диалектов, и литературная норма зачастую представляется нам, да и на практике является, искусственным образованием. Однако эта норма (в обоих региональных вариантах) есть репрезентант общенационального языка. На развитие нормы, и через неё на развитие языка коми народа, должны быть направлены усилия коми языковедов — как зырян, так и, в первую очередь, пермяков. Во всяком случае, коми лингвистам следовало бы воздерживаться от участия и, тем более, проявления инициативы в создании более дробных (теперь уже муниципальных) литературных вариантов на базе отдельных наречий (диалектов) коми языка.

Повторю основные положения этого выступления.

1) коми народ — един, а следовательно — един и его национальный язык;

2) коми язык включает в себя все разновидности коми речи на всей территории проживания коми народа;

3) изучение коми диалектов должно проводиться в общекоми аспекте;

4) национальный язык коми представлен двумя региональными литературными вариантами — пермским (пермяцким) и сыктывкарским (зырянским);

¹⁶ О гармонизации и национализации коми орфографии см., в частности, нашу работу: *Юльо Лав*. Пермский региональный вариант коми языка: история и перспективы развития // Национальные языки России: региональный аспект : материалы междунар. науч.-практич. конференции (20-21 октября 2005 г., Пермь) / отв. ред. А. С. Лобанова; Перм. гос. пед. ун-т. — Пермь, 2005. — С. 181-187.

5) должна быть восстановлена тесная координация в развитии обоих региональных стандартов коми языка;

6) лингвист несет нравственную ответственность за судьбу языка своего народа.

Список литературы

Бараксанов, Г. Г. Коми литературный язык, история его формирования и диалектная основа: дис. ... канд. филол. наук / Г. Г. Бараксанов. – М., 1964.

Баталова, Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки) / Р. М. Баталова – М., 1982.

Баталова, Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / Р. М. Баталова. – М., 1975.

Иванов, И. Г. Марий литератур йылме историй / И. Г. Иванов. – Йошкар-Ола, 2003.

Игушев, Е. А. Коми диалектология / Е. А. Игушев. – Сыктывкар, 1996.

Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология : учебник для высших учебных заведений. – Кудымкар, 1962.

Лобанова, А. С. О некоторых особенностях диалектной синонимии коми-пермяцкого языка / А. С. Лобанова // Проблемы и перспективы развития восточных финно-угорских языков: материалы научно-практической конференции «Функционирование языков и состояние этнокультуры восточных финно-угорских народов: проблемы и перспективы развития». – Саранск, 2003. – С. 41-47.

Луутонен, И. К проблеме вариативности литературных языков / И. Луутонен // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Материалы V Международного симпозиума. – Ижевск, 2004. – С. 167-168.

Лыткин, В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам с обзором диалектов и диалектологическим словарем / В. И. Лыткин. – М., 1955.

Лыткин, В. И. Коми-зырянский язык / В. И. Лыткин // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (тюркские, финно-угорские, монгольские языки) – М., 1969. – С. 302-351.

Лыткин, В. И. Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М., 1961.

Ляшев, В. А. К вопросу о диалектном районировании коми языков / В. А. Ляшев // Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков. – Ижевск, 1987. — С. 51-55.

Нечаев, Г. А. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа / Г. А. Нечаев // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. – М., 1931.

Петров, Н. П. Н. И. Ильминский и И. Я. Яковлев: создание новой чувашской письменности и новописьменного литературного языка / Н. П. Петров // Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕ. 2-мĕш кăларăм. – Шупашкар, 2006. – С. 8-23.

Пономарева, Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук / Л. Г. Пономарева. – Ижевск, 2002.

Туркин, А. И. Современное состояние и задачи изучения диалектов коми языка / А. И. Туркин // Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков. – Ижевск, 1987. – С. 19–26.

Федюнёва, Г. В. Национальный коми язык: структура и динамика развития / Г. В. Федюнёва // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. – Сыктывкар, 2000. – С. 506–512.

Хаузенберг, А.-Р. Формирование коми диалектов: факты и гипотезы / А.-Р. Хаузенберг // Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков. – Ижевск, 1987. – С. 55–59.

Цыпанов, Е. А. Перым-коми гижод кыв / Е. А. Цыпанов – Сыктывкар, 1999.

Эдельман, Д. И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности / Д. И. Эдельман // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980. – С. 127–147.

Austerlitz, R. The Permian Centre / R. Austerlitz // СФУ. – 1985. – XXI. – P. 99–109.